

Орден Славы — высшая степень отличия за солдатскую доблесть. Полным кавалером этого ордена в двадцать лет стал М.Л. Салманов, разведчик 894-го полка 211-й стрелковой дивизии.

В составе 38-й армии Воронежского фронта, в октябре 1943 года переименованного в 1-й Украинский, эта дивизия, пройдя нелегкий путь через огненную Орловско-Курскую дугу, сыграла значительную роль в битвах за Харьков, Киев, Чернигов, другие города Украины, участвовала в Брусиловской и грандиозной по масштабам Львовско-Сандомирской операциях, в Кросненском прорыве, сражении за Дукельский перевал, освобождении Польши и Чехословакии.

Разведчики 894-го полка, как положено, всюду находились впереди, на самом острие. Это их взвод разгромил штаб немецкой дивизии, уложив при этом свыше полусотни гитлеровских вояк и захватив в плен восемь офицеров с важными секретными документами. Это они в сложнейших условиях Карпат сумели переправить через линию фронта трех человек из Центра для работы в тылу противника, а на обратном пути уничтожили более 30 километров линии связи и взяли в плен взвод горных егерей. Это они на «доджах», помеченных буквами РКФ (резерв командующего фронтом), совершали дерзкие рейды по вражеским тылам...

Немало таких операций на счету отважных разведчиков, и каждая из них — образец воинского мастерства и силы духа.

Вот что писал командир взвода разведчиков И.В. Телега: «У нас была большая текущая честь. Я попал в разведку при освобождении города Киева в октябре 1943 года, выбыл по ранению 26 июля 1944-го при освобождении города Львова. За это время я пережил более 20 пополнений...»

Немного статистики. По данным архива Министерства обороны, 16119 бойцов и командиров 211-й Черниговской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии были награждены орденами и медалями. Из них 12 человек были удостоены звания Героя Советского Союза, 4 стали полными кавалерами ордена Славы. Из 12 Героев двое были разведчиками 894-го полка — М.А. Мардар и П.К. Мурахтов (награждены посмертно), а двое из четырех кавалеров ордена Славы — также разведчики этого полка, уроженцы Воронежской области М.Л. Салманов и И.П. Гаршин.

Ниже публикуется рассказ об одном эпизоде из фронтовой жизни Митрофана Лаврентьевича Салманова и его верных друзей, которые называли его просто Митей.

* * *

В восьмом часу комбату дали знать, что за поворотом дороги слышится какое-то движение.

— Разведчики! — крикнул Целищев. — Доложите обстановку!

Правдин и рта не успел открыть, как Дьячков сбросил сапоги и по-обезьяньи ловко полез на дерево.

— Из-за холма выходит колонна! — вскоре послышался его голос. — Два «цундапа», на колясках турели с пулеметами... Грузовая машина с солдатами... За ней — крытая, большая... Потом легковая, кажется, «опель»... Еще две с солдатами... Все — конец колонны.

Комбат сорвал телефонную трубку.

— Четвертый, слышишь меня?!. Не торопись, подпусти колонну как можно ближе! Стрелять только правому флангу!

Но в точности выполнить приказ не удалось. Сидевшие в колясках «цундапов» немцы приложились к биноклям и заподозрили неладное. Мотоциклы взревели моторами и резко развернулись: ударили пулеметы. Водитель головной машины занервничал, крутанул руль влево и уткнулся в «опель». Колонна остановилась.

Солдаты разбежались по придорожным канавам. Им было ясно, что они попали в западню.

— У-у-у!.. Аю-ю-ю!.. — долетели до вершины холма протяжные крики.

— Черт бы вас побрал! — ругнулся комбат. — Разведчики, примите наших пленных!

— Есть! — крикнул Правдин... — Тьфу, пленным нам не хватало. Андрей, слезай!.. Комсорг, по-немецки шпрехаешь?.. В пределах школы? «Дер кнабе, дер тыш»? Тогда вы, Сименко и Салманов, дуйте за пленными. Уж Митя сумеет с ними поговорить.

...Подойдя к передовой траншее, Салманов спрыгнул в нее, у пулеметного капонира забрался на траверс и произвел из автомата одиночный выстрел. Помедлил, подбирая нужные слова, и закричал:

— Зольдате! Дайне муттер! Ахтунг! Алле ауфштейн! Шнель!.. Херен мейн! Алле ваффен: машиненпистолен, хандгранатен, патронен — алле леген! Шнеллер! Гебен фюнф минутэн! Унд хернер! Алле ферштейн?! (Солдаты! Вашу мать! Внимание! Всем встать! Быстро!.. Слушайте меня! Все оружие: автоматы, гранаты, патроны — все сложить! Быстрее! Даю пять минут! И идите сюда! Все поняли?!)

— Я!.. Яволь! — раздалось в ответ. К «речи» Салманова с интересом прислушивал-

ся подоспевший командир четвертой роты. Когда Салманов вернулся в траншею, старший лейтенант протянул ему руку.

— Здорово, разведчик! Целищев послал? За пленными?

— Кто же еще? В гробу я видел этих пленных! И на хрена они нам?

— А ты, сержант, смекай. Уверен, значит, комбат, что задание выполним. А коли он уверен, и мы должны быть уверены. Усек, отпетый?

От дороги к ним с поднятыми руками стали приближаться немцы. Вели и несли раненых. Кочетков обернулся и крикнул:

— Второй взвод, собрат трофейное оружие!.. А я пойду к машинам, — сказал он Салманову. — Игнатов, Фоменко, за мной!

Вразвалку, с нахальной улыбочкой к Салманову приблизился молодой солдат. Осмотрел его цепкими, вороватыми глазами. Засунув большие пальцы рук за ремень и, небрежно пошевеливая свободными пальцами, заговорил:

— Слышь ты, фраер на катушках! Где это ты по-немецки наблатыкался базарить?.. Вон и шмотки у тебя центровые и шкрабы — все фрицевское. Сам-то не из них будешь?

Салманов глянул на блатного так, что с лица того сползла улыбка. А со всех сторон послышались голоса: «Дурак!.. Заткнись! — И на отборный мат солдаты не поспешили. — Это же разведчик! Из ответов!»

Блатный огрызнулся:

— Что-то не похож на жмурика, живой покуда.

— Не сердчай, сержант, он только что с пополнением прибыл, еще не обтесался. Не обижайся!

— Не мог он меня обидеть — обижаются слабаки. На обиженных воду возят, — приглядываясь к рукам блатного, ответил Салманов и обратился к нему: — А ты, бажбан, только по фене можешь ботать? Понтуешь, под законника косишь?.. А ну, дай сюда грабки, на котурны твои позырю!

Резким движением он схватил нахала за кисти рук.

— Так, с этой картинкой ясно. Факел — срок кончается. По свободе скучал. А вот этого зверька тебе по доброй воле накололи?.. Баклан ты коцанный!

Оторопев, блатной безуспешно попробовал освободить руки.

— Что ж ты у своих-то тырил — птенчики, аммонал?.. А квочкой, сукалдой случайно не был?.. Ну а казачком и параличником уж точно бессменно пахал!.. Ну, ата-ата, сопли не распускай!..

А у «расколотого» бывшего зэка и в самом деле заморгали глаза, задержались губы, и едва Салманов выпустил его руки, как он выскочил из траншеи и, пробежав немного, повалился на траву.

— Ну ты его и срезал! — сказал кто-то из солдат. — Берегись теперь, как бы он тебя не подсел. Озлобился небось.

— А... — немножко рисуясь, отмахнулся Салманов. — Хватит нас уже пужать, мы уже пужатые. Вот вы за ним приглядывайте. С гнильцой у него душонка. К немцам, думаю, не сбежит, а в дезертиры может податься, к банде какой-нибудь пристать... Эй, ребята! Сименко, Крупальников! Стройте фрицев в колонну по четыре!.. Е-мое, да тут их с полсотни будет... Раненых не брать!

— Здорово, земля! — расталкивая солдат, к Салманову подошел коренастый адъютант командира полка. — Давненько не виделись! Что за митинг ты устроил?

— Да вот за пленными послали. А ты чего здесь? Ты ведь при Федорченке должен находиться.

— А надоело на побегушках быть, не по мне это. Отпросился, малой артиллерией, взводом ПТР, теперь команду.

— Понятно... Ладно, Василий, ни пуха тебе. Авось еще встретимся, поговорим полюдски. А мне вон то стадо надо гнать. Не было бабе хлопот... Они бы с нами не цацкались.

Держа в руке большой портфель, подошел старший лейтенант.

— Сержант, я убитого оберста, полковника по-нашему, обыскал. Вот его документы — целехонькие и кровью не замараны. Вот портфель, наверняка его, только почему-то под машиной оказался. Все передашь... — он замялся.

— Майору, кому же еще? — усмехнулся Салманов. — Радисту.

— Вот черти! — мотнул головой Кочетков. — Все знают!

— Слушай, старлей, пока тихо, крытую машину подогнать бы поближе, спрятать в какой-нибудь бурак. В ней наверняка важные документы.

— Уже распорядился. Вон ребята скап пробитый меняют. Остальные машины тоже подальше отгонят и поперек шоссе развернут.

Сименко и комсорг торопили хмурых немцев, строили их за траншеей.

Салманов осмотрелся.

— Так, старлей, хромым, тяжелораненых не возьму. Куда я с ними на бугор? И так обуза большая... Крупальников! Ступай вперед, веди колонну, а мы с Сименко будем сзади подгонять.

— Колонне, форверст! Нах обер! Нах линке, нах рехтс ниht — шизен! (Колонна, вперед! Наверх! Налево, направо нельзя — стреляем!)

Пленные тронулись, потянулись на холм. Внимание Салманова привлек один из них, шагавший в предпоследнем ряду — высокий, моложавый, в офицерском мундире, но без фуражки, портупеи и погон. Если все остальные немцы шли, понуриив головы, то офицер сохранял выправку и время от времени поглядывал по сторонам.

«А сапоги-то у него знатные, непростая это птица», — подумал Салманов.

— Мить, а Мить! — окликнул его идущий у другого края колонны Ленчик. — Вот с немецким мне понятно. От школы, конечно, толку мало, но ты ведь в разговорник частенько заглядываешь. А вот где ты по-блатному наловчился балакать? Я почти ничего не понял. Что ты тому хренделю сказал?

— Что дурак он набитый, — уркагана, вора в законе из себя корчит. У своих он в зоне крал, да попадался, неумелый он вориска-то — баклан. За это ему крысу и накололи, помегили. Что стукачом небось был, уборщиком параша, на побегушках у авторитетов — шестеркой. А ума — как у лягушки шерсти, нет бы крысу кислотой иль бритвой свести, а он выделяется с ней как вошь на гребешке.

— А вот про птиц ты каких-то говорил, про аммонал. Откуда у зеков аммонал?

Салманов рассмеялся:

— Да птенчики и аммонал — хлеб по-ихнему, по фене.

— Ну и ну... А где ж ты этой фене обучился?

— Понимаешь, Ленчик, рос-то я в деревне, четырнадцать дворов у нас и было. До тридцатого года там коммуна была, а при мне стала отделением колхоза. Гектар пятьдесят земли, луг — больше заболоченный, с резучкой — осокой, свиноферма небольшая, голов пять лошадей. Из техники сеялка была, жатка да трактор «фордзон», хороший, правда, новый. Рабочих рук и на такое хозяйство не хватало. Так на сенокос к нам, на уборку помощников пригоняли — зеков. Колония исправительная от нас в трех километрах была. Вот и приходилось с зеками общаться, вместе работать. А нам, пацанам, интересно было знать, как у них да что. Вот от них я кой-чего и нахватался.

В колонии этой зеки на мебельной фабрике работали. Помимо прочего умудрялись всякую всячину мастерить — чашки, ложки, поварешки, браслеты для часов, мундштуки наборные. На хлеб, на яйца у колхозников меняли. Охранники на это ноль внимания. А один зек змейку сделал. Из деревянных кусочков, и через все кусочки жилки протянул. Головку с разнунтым ртом вырезал, покрасил — вблизи от настоящей гадюки не отличишь! А поднимешь ее за хвост — извивается как живая! Так мне она понравилась, и зек добрый оказался — всего за ковригу хлеба отдал. От матери, конечно, влетело, зато скольких я этой змеей нашароха!..

В школу я за пять километров ходил. Погода, непогода... Зимой на лыжах само-

дельных, а велик не на что было купить, концы с концами еле сводили, как говорится, из куля в рогожку перебивались. Клуб с библиотекой там же, в райцентре. Ни радио, ни света — деревня. А все равно хорошо было, есть что вспомнить.

— Ну и память у тебя, — позавидовал Ленчик.

Салманов приблизился к нему и тихо спросил:

— Ты офицера во втором ряду приметил?.. Подозрительный тип.

— Будто я не вижу. По сторонам зыркает и вроде к нашему разговору прислушивается. Может, по-русски понимает?.. А я ведь, Мить, тоже одного уголовного по-встречал, даже двух, только второго застрелил ненаароком. Рассказать?

— Да рассказывай, пока тихо. Почему тихо?.. Может, немцы решили важные документы в Стрый отправить, на всякий случай, а сами думают еще отбиться? Или им уже выхода не дают?.. Ну, давай про своих уголовников, интересно.

— Было это давно, до того как меня ранило. Возвращались мы из разведки. Напарник был от меня метрах в ста. Лесом шли. И глядь — крадется кто-то мне навстречу. А смеркалось уже. Кого это, думаю, несет, да еще куда не надо. Прилег за кустиком, смотрю. Наш солдатик, и мимо меня проходит. Я ему тихонько: «Стоять!» А он как стреканет! Не назад, а вперед! И резнул я ему вслед короткой очередью. Не целясь, можно сказать, стрелял-то — остановить хотел. А он упал. Я растерялся: чи так я зробиыв як надо, чи ни?.. А кореш его, какого я сразу и не заметил — он позади первого шел, — как рванет со всех ног в нашу сторону! Шумнул другу, чтоб шел к подстреленному, а сам за тем тикаю.

А до наших позиций рукой подать. Беглец сразу метнулся к командиру роты. Кричит и на меня рукой показывает. Подхожу — орет, аж слюни брызгают. Мол, зашли они в лес оправиться, немного заплутали в сумерках, а этот, опять на меня тычет, стрельбу по ним открыл. А сам трясется, глазенки бегают. Командир у них молодой был, только с курсов, стоит, думает. Тут мне как в голову стукнуло. «Стой смирно», — говорю — и шасть в его нагрудный карман. А в нем пачечка бумаг, резинкой стянутая, и две листовки немецкие. Разные причем. Одна поменьше, такие месяц назад нам с самолета сбросили, а вторая побольше — такие недавно фрицы сыпанули.

А этот хмырь говорит, что на самокрутки листовки подобрал. Брешет, думаю. Лезу в карманы его штанов, достаю кисет и цельную газету, аккуратно так на сигарки сложенную. Да листовки-то на закрутки и не годятся — бумага жесткая. Ротный говорит, раз такое дело, поведем его к Игнатенке, начальнику СМЕРШа.

Салманов заметил, что немецкий офицер при слове «СМЕРШ» дернулся и теперь уже не так осторожно смотрел по сторонам.

— Сдается мне, хорошо знает офицер про СМЕРШ, — шепнул он Ленчику. — Ты автомат наготове держи, у меня рука портфелем занята. Тяжелый, зараза, будто кирпичи в него наложили.

Сименко повесил автомат на грудь, проверил, хорошо ли работает предохранитель, и продолжил рассказ.

— А СМЕРШ неподалеку был, и все дела там быстро решают. Тут же меня и двух солдат с носилками отправили за тем, убитым или раненым.

Убитым оказался — в спину ему очередь попала. Обыскали его и за отворотом пилотки такие же агитки нашли. Игнатенко документы перебежчиков пролистал и сказал, что оба призваны после освобождения из лагеря. В полку они без году неделя, и нечего с этим уголовником церемониться. Вручили бывшему зеку лопату, пинка под зад — и повели. А мне капитан велел утречком прийти.

Утром являюсь, он папиросой угостил, поспрашивал ласомость, похвалил за бдительность и предложил к нему на службу перейти. К медали даже посулил представить. Я наотрез отказался. Не заслужил, мол, награды, просто долг свой исполнил и уходить из своего взвода не желаю.

Понимаешь, Митя, нисколько не жалко мне было тех предателей, только погано

было бы медальку за них получить. Вот... А рядом со СМЕРШем взвод заградотряда разместился. Прошелся я по их табору и не позавидовал энкавэдэшникам. И одеты они получше — ползать-то им не приходится, — и ряхи у них в два раза ширше, а какие-то нелюдимые — не улыбнутся, не пошутят. А пулеметы у них новехонькие, пятнадцатого калибра... Вот у тебя какой был до госпиталя?

— Какой... Да «максим», образца десятого года, калибра основного — семь, шестьдесят два. Хорошая, надежная машина, тяжелая только — без малого четыре пуда. Я на шестимесячных курсах учился, «максимку» так изучил — с закрытыми глазами могу разобрать и собрать. Четыре месяца прошло, и весь наш курс из Моршанска — да прямо на фронт. Так что крупнокалиберные я похуже знаю.

— Говорю одному, — продолжил Ленчик, — вот бы тебя со своим пулеметом в стрелковый взвод, больше пользы будет. А он: «На войне всем свое место назначено: кому впереди быть, кому посередке, а нам позади». Не завидую я им, хоть позади воевать легче. На душе, Митя, тяжело становится, как подумаешь, каких врагов они из этих пулеметов косят.

Приказ-то известный — «ни шагу назад», стоять насмерть. Ну а если патроны закончились, солдатики измотались, изголодались, но оружия ведь не бросают, в плен не идут, к своим из последних сил выбираются. Им бы отдохнуть, подкормить их, и снова они к бою готовы. А их заградчики как трусов и изменников встречают. Помнишь, Митя, ту роту, что положили...

— Не надо про это, — оборвал Ленчика Салманов. — Не бреди душу. Тут ничего не поделаешь. Хоть что делай, хоть последнюю пулю себе в лоб пускай, а приказ за номером двести двадцать семь забыть не моги.

Некоторое время не разговаривали. Только Ленчик все что-то бормотал себе под нос, потом Салманов расслышал, как он тихонько пропел: «И ребят невиноватых растрелял заградотряд...»

— Эй, Ленчик, ты что, от Дьячкова заразился? Придержи язычок, вон даже к Целищеву хвост прицепили. Служба у особистов такая — бдить.

Подгоняя растянувшуюся колонну, вывели, наконец, пленных на свою поляну. Здесь ими стал распорядиться Правдин. Больше толчками, чем словами, растерянных немцев сбили в две шеренги, и замкомвзвода приказал:

— Всех обыскать, ранцы и прочие вещи сложить в одну кучу — вон туда, ближе к КП. Салманов показал портфель, который Кочетков велел передать радисту.

— Ступай, о чем речь.

— Отнесу, только сначала вон того субчика обшмонаю, больно он подозрительный.

Он тщательно обыскал офицера, но обнаружил только зажигалку в виде маленького пистолета и массивный портсигар с цветным эмалевым треугольником посреди крышки. Портсигар оказался почти полностью заполненным толстыми, туго набитыми папиросами.

«Может, у него двойное дно? — взыграла у Салманова подозрительность. — Должна же быть хоть какая-то зацепка, ключик к этому субчику?»

Офицер, во время обыска высокомерно крививший рот, протянул к портсигару руку:

— Гебен цюрюк майн сигареттен! (*Верни мои папиросы!*)

— А ху-ху не хо-хо? — откинул руку Салманов. — Отдам кому надо! — И припугнул: — СМЕРШу отдам, понял?

На лице офицера вновь появилась презрительная усмешка.

Салманов сунул портсигар в карман френча, где лежали документы полковника, взял увесистый, тисненой кожи портфель и отправился на КП.

Сначала доложил комбату, что пленные доставлены, трофейное оружие собрано, а крытую машину отгонят в укромное место.

— Кочетков звонил — уже отогнали. А в руке у тебя что?

— Это убитого оберста портфель. Старший лейтенант велел передать товарищу... особисту.

Тот одобрительно хмыкнул, щелкнул замочками портфеля, который оказался набит разноцветными папками.

— Ценный трофей. Жаль, что хозяин его убит.

— А вот еще полковничьи документы и портсигар. Отобрал у пленного офицера. Больше ничего у него нету: ни погон, ни портупеи, а русский язык, кажется, понимает. Может, в портсигаре что спрятано?

Радист повертел в руках портсигар, поцарапал ногтем цветной треугольник, взвесьил на ладони.

— Интересная вещица. Похоже, серебряная. А что внутри?

Открыл портсигар, понюхал папиросы и предложил:

— Ну что, угостимся, отдегустируем?

С этими словами он протянул портсигар комбату, потом Салманову.

Салманов на пробу потянул дыма немножко, оценил и затаился уже по-настоящему. Медленно выпустил душистый, в меру крепкий дым и причмокнул:

— Да, такого табачка я еще не куривал! Не то что у ихних солдат. Губа у фон-барона не дура. А больше в портсигаре ничего нету?

— Разберемся. Вот тебе еще с десяток папирос, друзей угостишь. А за фон-бароном этим в оба гляди.

Только разведчики уложили пленных в два ряда, оставив между рядами проход, как спокойная жизнь вновь нарушилась — на высоту полетели снаряды.

С просьбой помочь к разведчикам прибежал лейтенант Прудников, командир арт-взвода.

— Самоходка бьет! Ну-ка гляньте, может, узрите, где она прячется?

Дьячков, лучший спец по лазанью, занимался чистой трофейной «шмайссера», и Салманов, тоже мастак лазать по деревьям — среди леса вырос, — махнув ему, забрался на вершину высокого дуба. Самоходки не увидел, лишь по бледным при дневном свете вспышкам смог понять, что орудие стоит за отрожком соседнего, ближе к городу, холма.

Прудников, узнав об этом, безнадежно махнул рукой:

— Слазь, разведчик! Дохлое дело — нам ее не достать, тут гаубица нужна.

Приданный полку гаубичный дивизион майора Кривова находился далеко — завяз он в упорном бою у села Зубра, а батальон Целищева, оторвавшись от полка, ушел с шестью противотанковыми пушками. (Взводу Прудникова из двух «сорокапятков» были приданы еще четыре орудия. Но противотанковые пушки, как известно, не способны вести навесной огонь по укрытым целям).

Салманов начал было спускаться, но тут увидел такое, что сердце его предательски дрогнуло.

В ложину из-за холма текла плотная колонна. Пехоту быстро нагнали и вытеснили с дороги мотоциклы, машины с солдатами, тягачи с длинноствольными орудиями, за ними фуры, груженные ящиками боеприпасов...

«Силища-то какая! — Он покрепче ухватился за верхушку дерева. — Танков не видать — и то ладно!».

Увидев преградившие шоссе грузовики, немцы пустили вперед мощный тягач. Тут и «заговорили» наши противотанковые пушки. Тягачи один за другим окутались густым дымом.

«Так их! Так! Прямой наводкой! — шептал при каждом удачном попадании Салманов. — Ай да артиллеристы!»

Движение техники на дороге застопорилось, но хорошо вооруженные и организованные солдаты нисколько не растерялись и немедленно устремились в обход левого склона холма.

В каком-то оценении Салманов смотрел, как немцы, умело используя неровности подножья, сноровисто копают ячейки, устанавливают пулеметы и легкие минометы. Бойкими синицами затенькали в лесу пули. За дорогой по пересеченной местности, пригибаясь, быстро перебежали фигурки пехотинцев. Одни останавливались и начинали окапываться, другие бежали дальше и дальше явно с целью подобраться к высоте и с правой стороны зайти в тыл. Умеют фашисты воевать, есть чему у них поучиться.

Из состояния отрешенности Салманова вывел голос Правдина:

— Мить! Ты что — заснул? Спускайся!

Расположившись вокруг пленных, разведчики молча прислушивались к перестрелке. От комбата они узнали, что брешь, через которую батальон проскочил к высоте, уже закрыта, к ней фашисты подбросили резервы, и стало ясно, что скоро их холм будет окружен со всех сторон. И им отсюда не отступить, если даже захотят. А у них и в мыслях не было идти на попятную — не для того пришли.

Предвидел это Целищев и сразу оставил у подхода к высоте одну из шести «сорокапятков» и часть взвода ПТР. Также сразу приказал занять круговую оборону.

Немцы стреляли с ожесточением, не жалея боеприпасов; батальон огрызался редким, расчетливым огнем из пулеметов и восьмидесятидвухмиллиметровых минометов. И совсем редко, экономя скудный запас снарядов, вступали в дуэль артиллеристы.

Внезапно стрельба на высоте усилилась. Длинными очередями зашлись пулеметы, немного погода затрещали автоматы.

— Командир! — не выдержал Мотин. — Что ж мы бока отлеживаем? Ведь атакуют!

— А ты думал, к нам с хлебом-солью придут? — отозвался Правдин. — Невтерпеж тебе? Успеешь настреляться. Сказано — мы в резерве. Маловат только резерв...

Вскоре смолкли автоматы, пулеметы снова перешли на короткие очереди. Первая атака была отбита.

— Разок обожглись! — послышался с КП голос комбата. — Разведчики, подбросьте по ящику автоматных на каждую сторону. Больше пока не надо — пусть берегут. Дорогу по телефонным проводам найдете...

Еще пять атак отразили защитники высоты. А разведчики все томились возле пленных. Почти все время молчали, переживая гнетущую тревогу. Разговор, как сырой костер, только занявшись, сразу затухал. Заметнее всех волновался Мотин. Весь издергался, изъерзался. Суконкой до зеркального блеска доводил свои знаменитые сапоги, подтачивал и полировал наждачкой штык, каждую атаку отмечал, вырезая узкую полоску дерна, и все с нетерпением поглядывал то на Правдина, то в сторону КП.

Между тем запас боеприпасов на КП подошел к концу. Остался ящик гранат, на котором стояла рация.

Время для разведчиков замедлилось. Стрелки часов лениво подползали к двенадцати, когда к ним подошел озабоченный комбат. Все вскочили, наперед зная, что он скажет. Спешно надевали тяжелые пояса, вскидывали на спины вещмешки и ранцы. Еще больше повзрослели, посуровели лица — куда девалась былая беззаботность? Не мальчишки — мужчины шли на брань.

— Ну, отпетые, ваш черед! Правдин, двоих оставь для охраны пленных, остальным в роту Кочеткова. Как говорится, с Богом!

— Есть!.. Так, Салманов, Дьячков, остаетесь на месте! — резко скомандовал Правдин.

— Товарищ старший сержант, за что?! — взмолился Салманов.

— Разговорчики!

— Тогда хоть «шмайсер» возьми и патроны!

— У меня их две цинки, комсоргу отдай, у него патронов маловато. И второй «шмайсер» Мотину отдайте, вам он ни к чему.

Уходили, до боли стиснув руку и бросив прощальный взгляд, друзья: Сименко,

Мотин, Мальцев. Чуть долше других задержавшись возле Салманова Правдин. Крепко обнял, ободряюще подмигнул:

— Про уговор не забыл?.. Уговор дороже денег!

Среди его самых близких друзей Миша Правдин занимал особое место. Немало времени они провели, рассказывая о своей довоенной жизни, делясь самым сокровенным, мечтая о будущем. Однажды договорились до того, что полшутя, полувсерьез решили после войны породниться — у обоих были младшие сестры.

«Неужто не будет у нас двойной свадьбы?»

Салманов со злостью посмотрел на пленных. Те лежали и перешептывались. Особенно оживленно вел себя офицер. Поглядывая на оставшихся караульных, что-то тихо говорил лежащим рядом.

— А ну, молчать! — гаркнул Салманов. — Лиген унд швейген! (*Лежать и молчать!*) Андрей, чуть что — не жалея, коси их к этой матери!

Дьячков, развалившийся на травке с другой стороны сдвоенных рядов пленных немцев, встрепенулся, сел, подобрал под себя ноги, и положил автомат на колени.

И вновь фашисты пошли на приступ. Эта атака была, пожалуй, самой ожесточенной. То и дело, заглушая стрельбу, рвались ручные гранаты. Постепенно, будто нехотя, все стихло.

— Мить! — позвал Салманова Дьячков. — Вот кажется мне, ты больше всех ненавидишь немцев. А почему, ведь до твоей деревни они даже не дошли?

— А за что их любить?.. Одно мне непонятно. Ты помнишь, читали мы листовку, писатель какой-то, не помню, — к чему он нас призывал? Мол, немец по природе своей — зверь, а потому не щадите даже не родившихся фашистов. Во как!.. Это как же понимать? Вот придем мы в Германию и всех поднаряд должны убивать — детей, беременных женщин?.. Я злой на тех, кто с оружием к нам пришел. Какую-то хреновину написали в листовке, а мы читаем и тут же немцев жалеем, в плен берем. Ты, Андрей, что об этом думаешь?

— Думаю.... Да нельзя нам всяким нелюдям уподобляться. Давеча вот слышал я от одного очевидца такое, что и ты можешь не поверить. Давно это было, тебя в нашем взводе тогда не было. Вошли мы как-то в одно село, фашисты его без боя оставили. И старик тамошний нам рассказал, как им тогда жилось. Оставили немцы в селе небольшой гарнизон, школу заняли под комендатуру, а весь народ собрали на сход. Офицер через переводчика велел выбрать старосту, чтоб тот помогал новый порядок наводить. Выбрали бывшего председателя колхоза — его из-за хромой ноги в армию не взяли. А кто лучше его хозяйство знает? И стали все, кроме самых старых и малых, ходить на работу. Больных немецкий врач лечил. Тут подошло время убирать пшеницу. И немцы работали — страда. Молотили хлеб цепами, у стариков бережливых еще сохранились, новых наделали. Как отмолотились — каждой семье выдали зерна по едокам. Остальной хлеб, а урожай был хороший, куда-то увезли. Жителей не обижали. Повар их, веселый такой, дед гутарил, по дворам ходил, на соль яйца, курей, овощ всякую менял. Соль спичечным коробком отмерял. Так вот и жили до своего освобождения. И тут же назначили им другого председателя, а старого забрали под белы ручки как фашистского пособника.

— Да прямо на сказку какую-то похоже, — покачал головой Салманов. — Не слышал я, чтоб немцы так себя вели. Зато о зверствах их вдосталь наслушался и в газетах читался. Говорят, правда, будто в Полтаве наших пленных даже лечили, а покойников хоронили не где попало, а на городском кладбище. Бывают, видать, и среди немцев неплохие люди, не всех же Гитлер с панталыку сбил. Но в целом от них одна злоба. Злее всех у них эсэсовцы...

Рассказывая, Салманов следил за тем, как офицер при их разговоре потихоньку поворачивал голову, чтобы лучше слышать их разговор.

«Понимает, гад, все понимает», — окончательно убедился Салманов.

...Сквозь дымное марево припекало июльское солнце. Ни ветерка. Зыбки тени деревьев совсем перестали давать прохладу. Салманову захотелось пить. К тому же во рту после без числа выкуренных сигарок будто кошки ночевали — моршанская махорка не фон-баронские папиросы. Он встал, размялся и снял с пояса фляжку. Но только набрал воды в рот, как послышались нетерпеливые голоса:

— Вассер! Тринкен!.. Рус, ферштэйн? Вассер! (*Воды! Пить!.. Русский, понимаешь? Воды!*)

Салманов поперхнулся и сунул фляжку в чехол. По скулам прокатились желваки. Окинув взглядом пришедшие в движение ряды, наотмашь махнул рукой, как бы стряхивая с верха галифе пыль. Жест понятный и без слов.

— Вот вам вассер! Лежать!

Немцы уткнулись в траву. Лишь офицер, которого Салманов окрестил фон-бароном, продолжал вызывающе смотреть на него.

— Ты, сучий потрох, больше всех пить хочешь? — Салманов поиграл автоматом. — Могу напоить!

Усмехнувшись, фон-барон что-то вполголоса сказал, и солдаты, лежавшие рядом с ним, сдержанно засмеялись.

Салманова затрясло.

— Ну, дайне мутгер (*вашу мать*), щас всех напою!

— Мить, сбесился?! — осадил его Дьячков. — Не трожь дерьмо — вонять не будет! Влетит же нам!

Офицер улегся поудобнее, раскинул ноги в стороны и отвернулся, бросив взгляд на правый сапог. Салманова, не спускавшего с него глаз, осенило.

— Андрей, иди сюда!.. Наставь-ка ствол вот на эту башку... А ты, сучара, слушай: будешь ерепениться — останешься без мозгов, понял?..

— Я, — сквозь зубы процедил офицер.

Салманов сдернул с него сапог, и догадка его подтвердилась. На землю выпал пистолет в кобуре желтой кожи. В другом сапоге ничего не оказалось.

Салманов разъярился:

— Ну, змей подколодный!.. Щас я тебе устрою утренник!

Как мешок с картошкой, перекинул он немца на спину, расстегнул и выдернул из брюк ремень. Ухватил верх галифе, рванул, оборвав все пуговицы, так же бесцеремонно бросил на живот и основательно, со всем усердием, скрутил ремнем руки.

Этого ему показалось мало. Поясом, стянутым с ближнего солдата, связал и ноги.

— Вот теперь постреляй у меня, побегай! А еще будешь вякать — зубы вышибу и кляп в рот забью!

Довольный проделанной работой, вытер рукавом со лба пот, произнес:

— Андрей, а ведь у других фрицев в сапогах тоже оружие может быть. Хреново мы их обыскали... Так, всем лежать смирно! Алле лиген штиль!

И пошел по рядам, срывая с немцев сапоги, расшвыривая их в разные стороны. И не зря потрудились — нашлись три коротких, с толстым лезвием ножа и два перочинных.

— Разведчики! — позвал Целищев. — Кто-нибудь один, ко мне!

— Ступай, Митя, — сказал Дьячков. — Охолонь. И пистолет заодно отдашь.

Лежа на самом припеке, комбат с задумчивым видом склонился над блокнотом с открытым карандаша.

— Ты, Салманов? — поднял голову Целищев. — Чего разошелся, базар устроил? С безоружными воюешь?

— Не совсем безоружными. Три финаря у них отобрал, а вот это фон-барон в сапоге прятал. И русский язык он очень даже хорошо понимает.

Салманов протянул пистолет особисту.

— Ну-ка, ну-ка! Вот это посерьезнее портсигара будет.

Снастегнул особист кобуру и вынул из нее позолоченный «вальтер». Заглянув в тупое рыльце, понюхал, затем нажал защелку магазина. Змейкой скользнула на подставленную ладонь обойма патронов с красными головками. Семь — одного не хватало.

— Ого, да тут и гравировка есть. Наградное оружие, почетное... Звание, фамилия и две молнии скрещенных. Знатный эсэсовец нам попался. Разберемся с ним, разберемся... Не сбежит?

— По рукам и ногам его стреножил, ширинку разорвал. И со всех сапоги поскидывал. Никто никуда не денется.

— Разберутся спецы и с папками, что в портфеле, и с тем, что в крытой машине, и с фон-бароном. Ценные у нас трофеи, только бы до подхода наших войск продержаться.

Особист с надеждой, как показалось Салманову, посмотрел на комбата.

— Я вот что думаю, — решился сказать Салманов. — Когда наши придут, поискать бы по кюветам фон-баронскую похоронку. Ремень с портупеей, погоны, документы — не иголка, как следует не зароешь.

— Верно говоришь, сержант... Салманов? — Особист внимательно посмотрел на него. — Ты, я вижу, совсем молодой, но исполнительный, да еще с инициативой. Хочешь на другую работу перейти — серьезную, ответственную? Повышение в звании сразу и дальнейший рост будет.

— Да у меня образования всего восемь классов, — неуверенно ответил Салманов. А сердце так и екнуло — вот это вляпался!

— Ничего, поработаешь пока здесь, а потом на учебу тебя направим. Не пожалейшь.

— Нет, за доверие, конечно, спасибо, — собравшись с мыслями, уже решительно заявил Салманов и стал выкручиваться, мешая правду с вымыслом. — У меня и способности к учебе неважные — память плохая, в школе на троечки еле вытягивал, и куда же я от своих ребят? Ведь мы, разведчики, все как братья. Вроде как измена выйдет.

— Правильно, Салманов. Твое место в разведке, — поддержал его Целищев.

— Что ж, неволить не буду, — хмыкнул особист.

«Пронесло, — Салманов перевел дыхание. — Легко отделался, ведь в его власти и приказом перевести. И куда бы я тогда свои глаза от друзей прятал?.. Сам виноват. Какой додельный, надо же — в портсигаре двойное дно выдумал!»

— Сержант, я тебя вот зачем позвал... — сказал комбат. — Отнеси-ка эти гранаты к дороге, на левый фланг Кочеткова, там горячее всего. Ну и обстановку поглядишь.

Вскинув ящик на плечо, петляя между деревьями, Салманов заспешил вниз по косогору. Метров через триста вышел на прогалину, и тут над его головой пролетела пулеметная очередь.

«Эге, да тут не погуляешь, — подумал он, бросаясь на землю. — Пристрелялись». Дальше передвигался на четвереньках, прячась за буторки и кусты, выбирая ложбинки. Сильно мешал тяжелый, неудобный ящик с гранатами.

С трудом добрался до траншеи, по аппарели на заднице съехал на спасительное дно, стянул за собой ящик и ничком повалился на него.

Пожилой ефрейтор в линиялой гимнастерке, с широкими, чуть вислыми плечами, скобливший ножом сухарь, оставил котелок, сильными руками приподнял его и прислонил спиной к стенке траншеи.

Салманов жадно вдыхал воздух, еще сохранивший вонь синеватых, окисленных гильз, рассыпанных по дну траншеи. Другие солдаты отдыхали: кто дремал сидя, свесив голову на грудь, кто прилег на бок.

— Умаялся, сынок? — участливо спросил ефрейтор и продолжил свое занятие — строгать окаменевший сухарь. — Из отпетых, вижу. Посиди, отдохни... Гранаты, ко-

нечно, вещь хорошая, нужная, только нам лучше бы патрончиков подбросить. На исходе патроны, совсем ничего осталось.

— Нету... патронов, — в два приема выдохнул Салманов.

Он осторожно выглянул за бруствер траншеи и замер. Дорога вся была забита немецкой техникой. Стояли тягачи, орудия, машины. У самого подножья холма чадила пробившаяся сюда «королевская пантера». Дальше, у самого поворота, застыли еще два танка и БТР. И повсюду валялись тела в таких же, как у него, серо-зеленых кителях. Много, много тел...

— Вот это заделали фрицам козу в сарафане!

— Намяли холку, — степенно подтвердил ефрейтор.

Достал из сидора берестяную коробочку, бросил в котелок несколько щепотей соли, туда же плеснул из баклаги немного воды.

— Лучку бы еще помельчей покрошить, — помешивая в котелке деревянной ложкой, заговорил ефрейтор, — и была бы настоящая солдатская тюрю. Чем не еда — с голодным бороться можно. Да когда еще зубов во рту раз-два и обчелся, одни оскалепки остались. А я остатнюю цибулю наемдни исхарчил. Паек-то уж давно умял, хотя есть такие умники, учат: дескать, нельзя перед боем наедаться, кишки чистыми должны быть, иначе при ранении в живот не выживешь. Ну а ежели осколок или пуля в голову, в сердце угодит — выживешь?.. Нет уж, нехай эти умники говорят, что хотят, постантятся, а пицца — она солдату силу и бодрость придает... А что, сынок, патронов совсем, что ли, не осталось?

— Совсем, — Салманов помрачнел. — И гранаты последние комбат вам выделил.

— Э-хе-хе, — покачал головой ефрейтор, — тогда керосин дело. Для Железняка и десять гранат были не пустяк, а остался он под курганом, овенный славой. Как бы и у нас до штыков дело не дошло. И мы можем под курганом остаться... Штык хоть и молодец, особенно ежели он граненый и на мосинской винтовке, да не осталось их почти, трехлинеек-то. А все ж таки окромя стального штыка-молодца хорошо бы поболо свинца-удальца иметь.

Рассуждая как бы сам с собою, старый солдат неторопливо, с явным удовольствием прихлебывал свою немудреную тюрю.

— Прет ведь немчура, дуром валит, почище наших штрафников. Знают: пока нас не перебьют, дальше им не пройти. Пушкарям да пэтээрщикам спасибо — танки не допустили, а то бы нам вовсе не сдобровать... А наши войска, видать, в городе застряли. И не диво, бывал я во Львове в сороковом году. Путаный, заморочный город, не приведи Господь...

Вернувшись на КП, Салманов доложил Целищеву об увиденном и услышанном.

— Да знаю я, Салманов, все знаю. Держу связь с командирами рот. Плохи наши дела — боеприпасы на исходе. Знаю и Львов. Замковую гору хорошо помню, Высокий Замок. Верно ефрейтор сказал: такого путаного города, наверно, во всем мире нет. Кривые горбатые улочки то спиральями скручены, то вдруг ломаются, в тупики упираются. Овраги, буераки — сам черт рога поломает. На таких же холмах, как наш, построен. Я в академиях не учился, но считаю, что танку в городе, тем паче как этот, приходится хуже, чем мышши в пчелином улье, чем волку на псарне. За каждым углом, в каждом доме опасность. Танки для других целей предназначены — прорыв обороны, захват рубежей, рейды по тылам. Вот Жуков танки и бережет. А в уличных боях лучше пехоте драться. Сегодня двадцать седьмое, а флаг над ратушей, в самом центре, еще двадцать второго подняли. И кто поднял? Танкист — не пехотинец. Ну и что?.. Завязали, неделя как в город вошли. Потери, потери какие!.. А в Сталинграде Чуйков новую тактику применил. Штурмовые группы пехотинцев немцев из города выбивали. Маленькие группы — всего несколько человек. И по ночам, как правило, работали. Почему же Конев не перенял хороший опыт?..

— Не нам учить командующего фронтом, — холодно отозвался особист. — Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны. Вы отвечаете за батальон, а Конев за

цельный фронт. К тому же, товарищ капитан, вы упустили из виду, кто в городе поддерживает наши танки. Уланы и жолнеры Армии Крайовой город зачищают. Наша пехота отстала, к сожалению.

Рот у Салманова так и открылся. «Вот это да!.. Кому же теперь Львов достанется? Неужели снова полякам отойдет?» И почему-то показался ему сейчас и особист похожим на фон-барона.

— Верно говоришь... — немного смутился комбат. — Это я с досады...

— Время связи! — напомнил особист.

Радист надел шлемофон, недолго переговорил и сообщил:

— Город будет окончательно взят в кольцо примерно через два-три часа.

— Нам от такой сводки... — Целищев хватил кулаком по колену так, что поморщился от боли. — Над нами сиюминутная угроза висит! Немцы подбрасывают подкрепление, готовятся, вот-вот на штурм пойдут! И будет это последний и решительный, для нас неутешительный! Нет, нельзя больше ждать. Нельзя медлить...

Он вырвал из блокнота листок, протянул радисту, но тот отвел его руку.

— Такое важное, ответственное сообщение должен передать командир батальона.лично! — заявил радист и вручил Целищеву шлемофон.

— Добро. Соединяйте... Я — Второй! Докладываю. Батальон находится в плотном окружении. Отбито семь атак. Боеприпасов практически нет. Вызываю огонь на себя! Батальон основательно окопался, потери будут минимальные. Прошу дать две волны артобстрела с интервалом в пятнадцать минут. Передаю данные...

Комбат медленно, чеканя каждое слово, каждую цифру, передал координаты, сдернул с головы шлемофон и вдруг широко улыбнулся:

— Ну все — Рубикон позади! Прудников — опытный вычислитель: координаты верные. Теперь есть чего ждать.

Он схватил телефонную трубку.

— Командиров рот — на провод! Быстро!.. Все на месте?.. Слушайте приказ! Вызвал огонь на себя! Приготовьтесь — всем в укрытия! Будут две волны артралета. После первой не высовываться — ждать вторую. Довести приказ до каждого солдата! Все!

— До побачения, — почему-то по-украински добавил он, положив трубку. — Пусть будет так. Если после первого артралета немчура поднимется — второй их накроет.

Целищев засунул блокнот в планшет, улегся на спину, с наслаждением потянулся и расслабился.

— Недурно было бы и нам укрытия выкопать. Да разведчики земляных работ чуются, лопат не признают, касок тоже. А, сержант?

— Так нас, как волков, ноги кормят. Когда и зачем нам окапываться? Десяток гранат да цинка патронов на каждого брата лучше выручат, чем лопаты.

— И то верно. Ученых учить — только портить.

Со стороны Львова доносился сплошной, непрерывный гул. И, перекрывая этот гул, из-за полосы кустарника, отделяющей КП от пленных, послышался голос Дьячкова:

— Вас ист дас?.. Понятно, но отойти не дам — нихт!.. Не можешь? Ну, лови сапог, дуй в него. Нихт ферштейн, балда? Шпрехен тебе, в сапог дуй! Что это? — нельзя — не понимаешь — говорю.

Комбат от души рассмеялся:

— Салманов, о чем задумался?.. Иди, выручай товарища. Да пленных через фонбарона предупреди об артралете, а то им не сапоги потребуются — штаны придется стирать. Главное, скажи, что обстрел наш будет — наш, чтоб не вздумали разбежаться. Ну, а если... сам знаешь, что делать.

И началось! Сначала заработали «Катюши». Вой мин с грохотом разрывов стремительно приблизились к высоте, и вот словно ураган пронесся по деревьям. Посыпались крупные и мелкие ветки, закружилась зеленая листва.

Салманов всем телом прижался к земле. От рвущего душу воя стало жутко. Впервые он ощутил на себе мощь наших гвардейских минометов. Не раз доводилось ему бывать под бомбежкой и обстрелом, но прежние передряги нельзя было сравнить с происходящим теперь.

С большим усилием поднял голову и сначала обрадовался, увидев неподвижные спины, потом обомлел — в двух метрах от ближнего немца лежал автомат. Это сразу привело его в чувство.

«Мой ППС!.. И где Андрей?»

Станным показалось то, что немец не обращал на автомат никакого внимания. Его широко открытые глаза смотрели прямо на него. Под этим внимательным взглядом Салманов подобрался к автомату, схватил его и враз обрел спокойствие.

Немец, уже не молодой, без пилотки, с рыжеватыми косицами прилипших ко лбу волос, за это время, кажется, ни разу не моргнул.

— Чего уставился, фашист?.. Дрейфишь? — окликнул его Салманов, чтобы избавиться от чувства неловкости.

Немец решительно качнул головой:

— Ихь бин кайн фашист. Фашизмус ист шлехт, зэр шлехт. *(Я не фашист. Фашизм это плохо, очень плохо).*

Опираясь на локти, он сложил указательные пальцы крестом, чуть согнул их, как понял Салманов, изображая свастику, и кивнул на лежащего неподалеку офицера.

— Ишь ты, — усмехнулся Салманов. — А ты, значит, ни при чем. Из-под палки воевал. Сколько ж вас таких, половинчатых? Воюете, пока жареный петух не клонет... Как тебя — Курт, Ганс?

— Эрих.

— Андрей!.. Эй, ты где? — позвал Салманов Дьячкова, но тот не отозвался.

Накатила вторая волна обстрела.

«Господи, спаси и сохрани!»

Один за другим пронеслись огненные шквалы. Тучи будто кровью подкрашенной пыли не успевали осесть на землю.

Неподалеку ахнул еще один тяжелый снаряд. Чего только не придумают для того, чтобы одни жили лучше других.

Наступившая после артналета тишина — полная, если не считать дальних выстрелов, — показалась Салманову неправдоподобной.

«Неужели пронесло? И не оглох ли я?» — еще не смея радоваться, подумал он, пальцами прочищая уши. Поднялся на ноги и взглядом поискал Дьячкова. «Где же он?». Тревога опалила только что отпустившее сердце.

— Андрей! — кричал он осипшим голосом. — Андрей!

— Туточки я...

Из-за куста на другом краю поляны, шатаясь, вышел Дьячков. Остановился, с трудом выпрямился.

— Живой, чертяка! — Салманов проскочил между пленных и крепко сдвинул друга руками.

— Полегче, Митя, — простонал Дьячков. — Голова як у вола...

— А ну, дай глянуть, — Салманов быстро осмотрел, ощупал его голову. — Голова цела, слышишь хорошо — подконтузило малость. Это быстро пройдет. Живем, Андрияха!.. А как там наши?.. Подожди, я к комбату!

Проломившись напрямую сквозь заросли орешника, Салманов сбежал в ложбинку.

Радист стягивал заброшенную на чахлый суховершинный граб антенну, а Целищев, притопывая ногой, кричал в телефонную трубку:

— Всем к шоссе! Пленных, раненых — туда же! Трофейное оружие оставить на месте, оно теперь не потребуется. Все, до встречи!

Он снял фуражку, платком вытер со лба пот и еще каким-то отстраненным взглядом посмотрел на Салманова, будто не узнавая его.

— Товарищ капитан... — начал было Салманов.

— А, разведчик! — улыбнулся Целищев. — Жив-здоров? Вот и ладненько. Молодец! Благодарю за службу!

Салманов смутился и вместо того, чтобы ответить, как положено, пожимая плечами, забормотал:

— Да я, это... ну, боеприпасы подносил, пленных стерег...

— А кто нащупал проход к этой высоте? Кто провел батальон?.. Разведчики! Всех к награде представлю!.. Наши танки уже на подходе, — добавил он уже спокойнее. — Следом полевые кухни и лазарет. Все, конец — делу венец! Львовская группировка в котле!

— Куда пленных, товарищ комбат?

— К дороге, куда же еще? Да обуться им дай, а то обезножат... «А ты в сапог дуй!» Ну, отпетые!..

Тут до Салманова окончательно дошло, что после заказанной Целищевым «бани» окружавшие их фашисты понесли такие потери и были так подавлены, что не собирались ни наступать, ни сопротивляться.

Множество воронок обезобразили холм. Повсюду, мешая проходу, валялись поваленные деревья, срубленные осколками верхушки, сучья. У подножья высоты из окопов и траншей словно призраки выбирались солдаты. Отряхивались, перекликались, делились табаком и шутили. Фронтная жизнь входила в привычную военно-мирную колею. Опасность миновала, и можно было пользоваться передышкой. Надолго ли — об этом не думалось.

К шоссе подтягивались солдаты, сопровождая нестройные цепочки ошеломленных, все еще не пришедших в себя немцев. Они без понуканий сами сбивались в серозеленую толпу. Среди своих и в неволе дышится легче.

Санструкторы бинтовали раненых, меняли наспех, поверх одежды намотанные повязки. Хлопотали возле своих раненых немецкие санитары.

— Где же наши?.. Наши где? — растерянно озираясь по сторонам, бубнил Дьячков. — Мить, никого не видать! Что ж это...

— Не паникуй! — оборвал его Салманов. — Сейчас я...

Он выхватил из кармана гармошку, поднес к губам. Далеко окрест разнеслись задорные звуки «мотани».

Вскоре, волоча за руку маленького узбека, примчался Мотин.

— Митюха! Андрей! — Мотин разразился радостными матюгами. — Живы! И Мишку с Мальцевым я на скаку видел!.. Ну, щас мы заделаем!

Он подыскал местечко поровнее, ловко пошлепал ладонями по груди, коленям и голенищам сапог.

— А ну, давай выдай что-нибудь живенькое!

К разведчикам потихоньку стали подходить солдаты.

— Эх-ха! — Мотин, часто перебирая ногами, гоголем прошелся по кругу. — Ошна, кеттык за мной! Пляши, чудо бухарское! Жаль, Васи Цыганка с аккордеоном нету, мы бы такой фужер устроили!

Улыбаясь до ушей, узбек принялся притопывать и подпрыгивать, по-восточному подергивая плечами и поводя руками.

— Давай-давай! — подбадривал его Мотин. — Копать тебя научили и плясать научим!.. Гляди!

Он ударился впрысядку, подскочил к гармонисту и заголосил:

Полез Гитлер на березу,
А береза гнется,
Он с нее, товарищ Сталин,
Ох и навернется!

Громкий смех зрителей, а за ним окрик:

— Эй, отпетые! Глубоко не зарывайтесь!

— Майор. Особист, — буркнул Дьячков Мотину. — Меняй пластинку. — И оттянув в стороны карманы галифе, чтобы брюки походили на юбку, покачивая бедрами и с вызовом поглядывая на особиста, вывел тонким, девичьим голоском:

Выйду-выйду на шашу,
Затанцую, запляшу,
Старшину я присушила —
И майора присушу!

— Сюда, ребята! Отпетые пляшут!

Отовсюду, сзывая товарищей, к разведчикам стекались однополчане. Появились Правдин с Мальцевым, но в пляс не пошли. Ленчика с ними не было. На вопросительный взгляд Салманова знаками дали понять, чтобы он продолжал играть. Такие же знаки подали Мотину и Дьячкову.

Дьячков понимающе кивнул, приплясывая, приблизился к Кочеткову и подергал пряжку его ремня.

Полюбила я старлея,
А майор мне говорит:
«У меня ремень пошире —
Босоножки можно сшить!»

От старшего лейтенанта с озорной улыбкой он семенящей походкой направился было к особисту, но Мотин придержал его — знай край, да не падай. Подбоченясь, выставил напоказ свой сияющий сапог и, тыча пальцем на пыльные, выдавшие виды кирзачи «казнобы», выдал:

С неба звездочка упала
Прямо милому в штаны,
Пусть бы все там оторвала,
Лишь бы не было войны!

Вновь раздался хохот, захлопали ладоши.

Будто заразившись от разведчиков задором, в круг вступали все новые танцоры. Круг расширялся. Плясали с каким-то веселым ожесточением; без передышки сыпались забористые, с солью и перцем, частушки.

Вблизи, чуть повыше, сгрудились пленные немцы. С изумлением смотрели они на этих странных, непостижимых для тевтонского склада ума русских. Ничего подобного они и представить себе не могли. Сами, без всякого принуждения, передавали в круг фляжки со шнапсом.

В сторонке стоял утративший спесь фон-барон, держась за спадающие брюки. Никто не одолжил ему ремень — то ли не захотел, то ли побоялся.

Салманов, утомившись играть, взмахнул гармошкой:

— Братцы! Что я — рыжий?.. Кто подменит?

Солдаты только смущенно переглядывались.

— Да что вы, опупели? — обиделся Салманов. — Так уж никто не умеет?

— Гебен зи мир! Битте! *(Дайте мне! Пожалуйста!)*

Из толпы пленных выбрался один солдат.

— Эрих? — недоверчиво взглянул на него Салманов. — А сможешь?

Сначала немец проиграл мелодию тихонько, «спотыкаясь», но быстро освоился и заиграл громко, уверенно.

— Дуй, Эрих! Годится!

...Растолкав по обочинам немецкую технику, подошли и замедлили ход наши слав-

ные «тридцатьчетверки». Привлеченные необычным зрелищем, по пояс высунулись из люков танкисты.

— Эгей, копченые! — замахал им Мотин. — Сыпь фрицам соли под хвост!.. Дашь Карпаты!

Рванулась вперед стальная лавина по дороге на Стрый, скрылась за холмами Галиции.

А над израненной непокоренной высотой все звучал гимн победителей — простая русская «мотаня».

Послесловие

Митрофан Лаврентьевич Салманов, встретив День Победы под Прагой, принимал участие в ликвидации отрядов украинских националистов и демобилизован был только в 1950 году. Сначала работал в Рамони на сахарном заводе, затем с 1962-го по 1977-й год снова служил, но уже в войсках МВД, в той самой исправительно-трудовой колонии, с заключенными из которой ему, будучи подростком, довелось встречаться. За три с лишним километра добирался до нее на лыжах и велосипеде, а в распутицу обходился и без этих средств передвижения. Пользовался большим уважением у командиров и подчиненных. Жил в том же поселке Поляна близ железнодорожной станции Рамонь Воронежской области, откуда восемнадцатилетним парнем ушел на защиту Родины. На построенном им скромном доме, стоящем на улице, переименованной в честь полного кавалера ордена Славы, установлена мемориальная доска.

